

Плодотворной представляется мысль авторов статьи о необходимости выявления национальной специфики бытования жанровых форм, которые входят в систему жанров мировой литературы, подчеркивая тем самым и самобытность литературы и общие закономерности литературного развития. И, конечно, важно вводить сравнительно-исторический материал хотя бы из славянских литератур социалистических стран.

Перестраивать преподавание литературоведческих курсов необходимо так, чтобы они не повторяли учебных пособий, кстати, сильно нуждающихся в переработке в свете последних событий нашей общественной и литературной жизни. Нужно усиливать теоретический потенциал лекций, строить их по проблемному принципу, относя на самостоятельное изучение то, что должно быть известно студентам еще из средней школы. Однако пока лекционные литературоведческие курсы не будут обеспечены достаточным количеством часов, надежной временной опорой, трудно говорить о каких-то решительных сдвигах.

Статья поступила в редколлегия 14. 04. 88

Л. П. Александрова, доц.,
Киевский университет,
И. А. Спивак, проф.,
Черновицкий университет

Неотложные проблемы

При всей разноаспектности предлагаемого литературоведческого материала, учебно-методических рекомендаций выступления А. Волкова и О. Червинской объединены тревогой за нынешнее состояние вузовской подготовки филолога, недовольством информативным характером гуманитарного образования. Главное, по нашему мнению, заключается в том, как скоординировать преподавание родственных, смежных дисциплин: введения в литературоведение, теорию литературы, историю литературы, литературную критику, эстетику, историю, методику литературы и др., как избежать конгломеративности, добиться единства и системности, сохранив при этом целостность каждой дисциплины. Это проблема проблем.

Вполне закономерно авторов заботит методика изучения собственно теоретического материала, соотношенность его с историко-литературными курсами.

О. М. Пилипюк указывает в статье на необходимость синхронного освоения теоретических и историко-литературных знаний, подхода, при котором познаваемый будущими учителями материал получит реальную возможность складываться в монолитную систему.

Автор предлагает изучать теорию литературы не на первом и последнем курсах, а на протяжении всех лет обучения студентов-филологов и, соответственно, проект изучения предмета.

Здесь своя логика, смысл, привлекательность. Теоретический материал представлен «крупноблочно» (200 литературоведческих терминов — сплошным потоком), а, главное, — в сплаве с историко-литературной фактурой.

Но будет ли студент постоянно жить «в насыщенной литературоведческой атмосфере», не будет ли он испытывать категориально-терминологического голода в процессе изучения истории литературы, в чем автор уверен?

Ведь литературоведческая терминология, насыщенная историко-литературной конкретикой, — это необходимый инструментарий филолога, алфавит для читателя. Это во-первых. Во-вторых, если студент только на втором курсе постигнет содержание художественного образа, а на третьем доберется до литературного произведения, то, спрашивается, как же он в течение двух лет усвоит величие и красоту художественного текста? И почему теоретическая подготовка студентов должна завершаться изучением творческой индивидуальности писателей, а не, скажем, осмыслением литературного процесса, творческого метода или стиля?

Вряд ли целесообразно также лишать студента возможности изучать эстетику как очень важный предмет в филологическом образовании. В статье В. А. Гусева, Н. В. Подмогиной предлагается иной вариант: изучение введения в литературоведение и теории литературы без всякого временного интервала.

Подобная идея нам представляется спорной. Если учесть то обстоятельство, что понятийно-терминологические требования обоих курсов, составляющих их основу, в принципе совпадают (разумеется, при разной глубине интерпретации), а между ними нет временного «просвета» для историко-литературных знаний как фактологической основы филологической культуры, то студенту нечего обобщать, не на чем строить теоретический фундамент знаний.

К тому же поставленные вплотную два сходных курса (введение, теория) вызовут у студента ощущение скоропалительной повторности. Иное дело, что временной разрыв между чтением этих двух дисциплин (на первом и пятом курсах) может быть несколько сокращен (читать теорию литературы не на пятом, а на четвертом курсе).

При максимальной наполненности фактическим, историко-литературным материалом каждый теоретический термин, не стертый в студенческой памяти временем, будет «работать» на его общую филологическую культуру.

Два теоретических курса — «Введение в литературоведение» и «Теория литературы» — как бы обрамляют курс подготовки специалиста-филолога. Первый из них вводит студента в филологическую атмосферу, знакомя его более основательно (так как школьники получают элементарные знания по теории литературы) с литературоведческими терминами. Терминов много, но беда еще в том, что новый учебный план предусматривает их изучение в течение одного семестра (2 ч в неделю

лекции, 2 ч — практические занятия). Студент не успевает осмыслить услышанное на лекции, кое-как готовится к практическим занятиям. О его самостоятельной работе над монографиями, трудами ученых прошлого говорить не приходится.

Видимо, есть смысл вернуться к прежнему опыту и читать этот курс в течение двух первых семестров.

Вряд ли следует оспаривать целесообразность чтения курса теории литературы на старших курсах (начало в восьмом семестре, конец — в девятом), после того, как студенты не только освоили почти все историко-литературные курсы (курс литературы народов СССР читается параллельно с курсом теории литературы), но и все «сопричастные» дисциплины. Есть прочный фундамент для теоретических обобщений и выводов. Но все равно интервал между теоретическими курсами значительный. Этот разрыв необходимо заполнить самостоятельным курсом «Принципы и методы анализа литературного произведения», в котором, видимо, нужно изложить вопросы историзма как основу анализа литературного произведения, раскрыть при этом сущность целостности художественного текста и разработать практические занятия по его анализу. Этот курс, безусловно, должны читать два преподавателя: литературовед и лингвист.

Но сколько бы ни организовывалось теоретических курсов, они не в состоянии обеспечить подлинную филологическую подготовку без совместных усилий всех преподавателей литературоведческих дисциплин. Бесспорно, термины, усваиваемые студентами в курсе «Введение в литературоведение», должны закрепиться в историко-литературных курсах. Трудность состоит не только в обилии этих терминов, но и в различии их, которое нелегко преодолеть. В значительной степени именно этим объясняется умалчивание многих теоретических понятий преподавателями историко-литературных курсов.

Где же выход? Нам представляется — в организации кафедральных или межкафедральных теоретических семинаров, где необходимо знакомить преподавателей с общепринятыми терминами, взвешенно и сбалансированно интерпретировать их в дискуссиях теоретического характера.

Только ценою общих усилий теоретиков, историков литературы, эстетиков, методистов можно решить эту актуальную и неотложную проблему, а в идеале достичь и того «звездного часа», когда студент-филолог сможет глубоко аналитически судить о литературных явлениях, видеть их в широком общелитературном контексте, эстетически сопереживать.